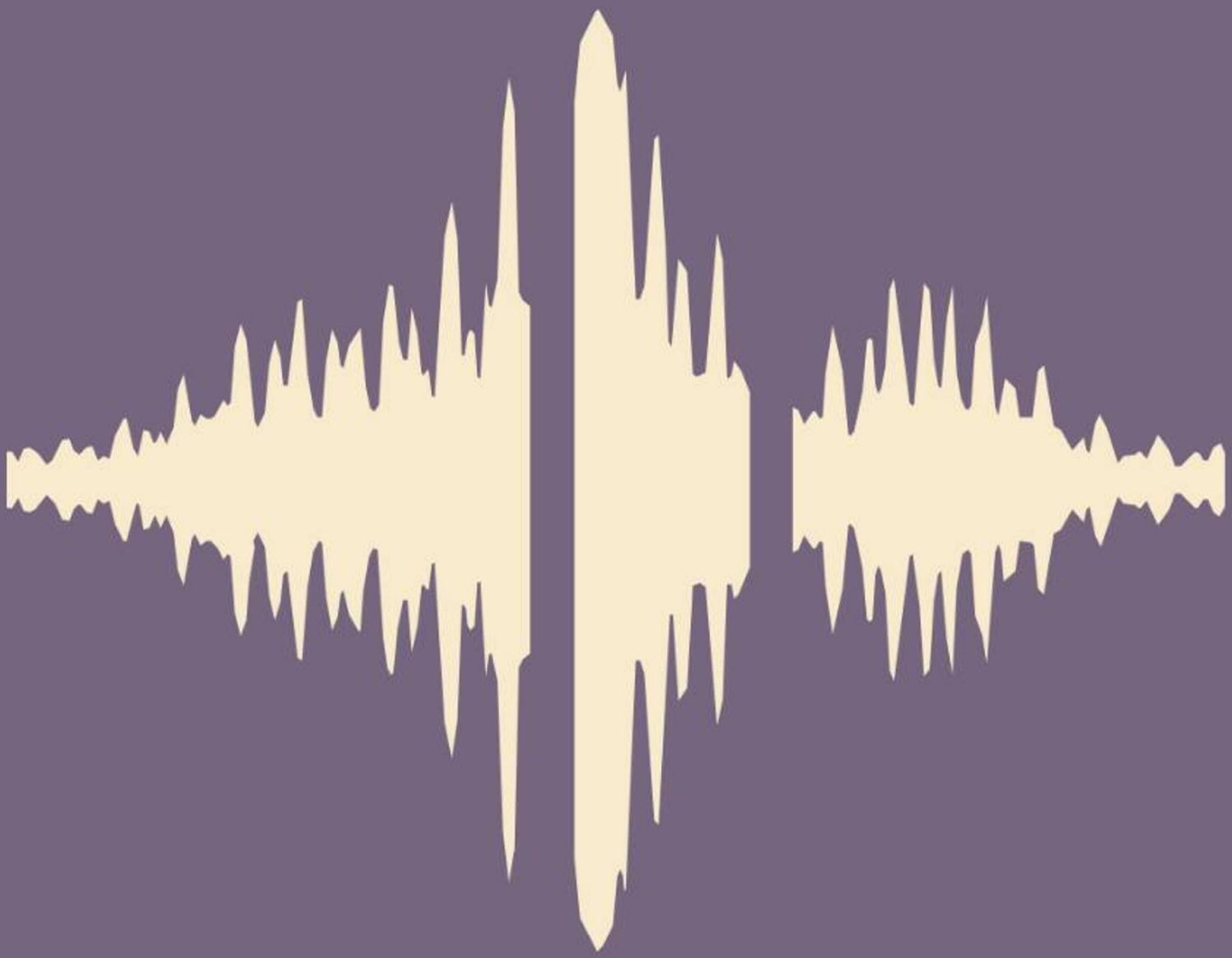
АРВИД НОРД

ТЕ, КТО ОСТАЮТСЯ

ХРОНИКИ СЕВЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Арвид Норд

Те, кто остаются

«Автор»
2026

Норд А.

Те, кто остаются / А. Норд — «Автор», 2026

Хельсинки, осень 2014 года. Элина Вахтери слышит на записи собственный голос — и понимает, что кто-то изменил её слова. Вскоре в квартире находят мёртвым психолога, а следы другого человека обрываются возле старого промышленного корпуса. Инспектор Элиас Виртанен и его новая напарница Мира Салонен ищут связь между чужими голосами, ложными свидетельствами и преступлениями, которые происходят сейчас. Но не каждый вопрос, оставшийся после расследования, получит ответ.

© Норд А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Арвид Норд
Те, кто остаются

ЧАСТЬ I
ГОЛОСА МЁРТВЫХ

Хельсинки, октябрь 2014 года.

Дождь стекал по узкому окну под самым потолком, и Элина Вахтери видела в нём только серую полосу неба. Комната для прослушивания в реабилитационном центре Мунккиниеми была слишком тёплой. Вентиляция шумела негромко, с тем упорством, которое перестаёшь замечать через несколько минут. Элина сидела у компьютера в пальто: собиралась забрать копию своего интервью и уйти, не разговаривая с персоналом.

Из наушников прозвучал её собственный голос:

— Я видела, как закрыли дверь.

Она нажала пробел. Фраза оборвалась после слова «дверь», но последняя согласная ещё долго стояла у неё в ушах. Элина знала этот голос. Шесть лет назад, на второе утро после пожара, она говорила с полицейским, сидя на складном стуле в коридоре больницы. Тогда она произнесла: «Я видела, как…» — и не смогла закончить. Слова «закрыли дверь» появились гораздо позже, в разговоре с врачом, когда она пыталась объяснить, что именно ей снится.

Между двумя разговорами прошли три недели. На записи паузы не было.

Элина снова включила фрагмент. Чей-то спокойный голос задавал ей вопрос, затем она отвечала без колебаний. В таком виде запись выглядела убедительнее всего, что она когда-либо рассказывала сама. Именно это и заставило её снять наушники.

В коридоре провезли тележку с бельём. Пахло тёплой пылью, кофе из автомата и дезинфицирующим средством, которым здесь протирали дверные ручки. Элина посмотрела на папку с архивными файлами. Рядом с названием интервью стояла вчерашняя дата изменения. Это не говорило, кто редактировал запись: файл могли просто перенести или пересохранить. Но кто-то открыл его спустя шесть лет и сделал так, чтобы два разрозненных признания превратились в одно.

Она нашла номер Микаэля Хейно, руководителя программы, и нажала вызов. На третьем гудке телефон коротко завибрировал. Сообщение пришло с незнакомого номера:

«Не звони ему. Он уже выбрал».

Элина ещё смотрела на экран, когда дверь приоткрылась. Мужчина в синей рабочей куртке спросил, свободна ли соседняя комната. У него на связке болтались ключи и пластиковый пропуск подрядной организации. Он говорил торопливо, как человек, которому осталось проверить ещё пол-этажа.

— Не знаю, — ответила Элина. — Спросите на стойке.

Мужчина извинился и ушёл. Она успела заметить мокрую подошву его ботинка и то, как он придержал дверь локтем, чтобы не запачкать ручку.

Звонок Хейно оборвался сам. Элина убрала телефон в карман и с удивлением обнаружила, что вцепилась другой рукой в провод наушников. Ей захотелось позвонить дочери, спросить, поела ли та сегодня, поговорить о чём угодно, кроме пожара. Но дочь обязательно услышала бы страх.

В коридоре снова раздались шаги. На этот раз кто-то остановился у двери и опустил на пол тяжёлый футляр. Под порогом легла длинная тень. Элина выключила экран, перевернула

карточку участника программы белой стороной вверх и поднялась. Спросить, кто именно стоит снаружи, было проще, чем оставаться наедине с записью.

Когда дверь открылась, она увидела человека в тёмной куртке и футляр для аппаратуры у его ног.

— Вы тоже были там? — вырвалось у неё.

— Где? — не сразу понял он.

Элина не ответила. Впервые за много лет она отчётливо услышала, насколько неправильно прозвучал вопрос, который она привыкла задавать только самой себе.

* * *

В другой части Хельсинки первый трамвай прошёл по мокрым рельсам, и Элиас Виртанен открыл глаза за минуту до будильника. Осенью это стало его новой привычкой: просыпаться прежде, чем кто-либо успеет напомнить, что день уже начался.

Он насыпал кофе больше, чем требовалось, и отложил ложку. Иногда утренние привычки из Осло возвращались сами, без предупреждения. На верхней полке шкафа, за банкой с чаем, стояла кружка Ингрид Мёэн. Он привёз её из Осло вместе с несколькими вещами после похорон. На ручке тянулась трещина, которую он однажды обещал заклеить. Ему так и не удалось вспомнить, почему в тот день они решили, что с этим можно подождать.

Из Осло иногда звонили по делу Акселя Брандта. Заседания ещё продолжались, впереди оставались новые поездки. Элиас отмечал их в календаре, проверял пересадки, договаривался с коллегами — всё это требовало привычной точности. Непривычной оказалась квартира, в которую он возвращался после работы. Здесь не было ни одного предмета, который мог бы объяснить, что делать вечером.

Он запер дверь, спустился на улицу и остановился под навесом, застёгивая пальто. Дождь был мелкий, почти невидимый. На остановке женщина растирала ладони ребёнку, промокшему по дороге в школу. Элиас смотрел на них дольше, чем следовало, потом отвернулся и пошёл к машине.

В управлении пахло сырой одеждой и перегретым кофе. Кто-то спорил с техником из-за лифта; на доске смен висели фамилии, время выездов и два исписанных карандашом листка. Софи Коскела работала над отдельной служебной проверкой, поэтому они в последние недели почти не встречались на выездах. Избегала ли она его или просто была занята — Элиас не выяснял.

На его столе лежала распечатка сообщения и листок с незнакомым почерком: «Посмотрите, чего в комнате нет». Подпись: Мира Салонен.

— Уже читаешь? — спросила Марья Хаапанен из двери кабинета. — Тогда зайди.

Капитан не предложила ему сесть. На столе перед ней лежал тонкий скоросшиватель; на обложке от руки было написано «Халонен, Антти». Психолога нашли мёртвым в квартире на Фредрикинкату. Следственная группа работала с ночи. Причину смерти ещё уточняли, предмет, которым нанесли травму, не обнаружили.

— Ты давно работаешь сверх смены, — сказала Марья. — И я знаю, что объяснение у тебя найдётся.

— Людей не хватает.

— Мне нужны люди, которые слышат коллегу, когда тот говорит «остановись».

Элиас снял пальто со сгиба локтя и повесил на спинку стула.

— Я вернулся не для того, чтобы ты берегла меня от каждой квартиры с трупом.

— А я и не собираюсь. Но ты не будешь работать один. Салонен уже ждёт в коридоре. Она смотрела материалы первичного осмотра.

Марья подвинула к нему снимок: лист бумаги в прозрачном пакете, найденный рядом с телом. Семь слов, слишком мало для вывода и достаточно для десятка версий.

— Найдите того, кто это написал, — сказала она. — И не позволяйте ему водить вас за руку.

В коридоре у окна стояла невысокая женщина в сером жакете. В одной руке она держала планшет, в другой — бумажный стакан с кофе, который, судя по всему, давно остыл. На вид ей было чуть за тридцать. Тёмные волосы она убрала за уши; возле правого виска выбилась прядь. Услышав шаги, женщина убрала телефон в карман и протянула руку.

— Мира Салонен. Я успела запросить оригиналы фотографий. Вы Виртанен?

— Если у вас уже есть всё дело, можете обращаться просто Элиас.

Она не улыбнулась на шутку. Вместо этого открыла на экране три изображения одного листа: исходный снимок, увеличение и обработанный вариант с резким контрастом.

— Сообщение пришло на телефон Халонена в двадцать один четырнадцать, — сказала Мира. — Последний подтверждённый ответ с его аппарата был позже. Время смерти пока установлено шире. Я бы не делала из двух записей точный час.

Элиас взял планшет. На обработанном изображении у края бумаги проступало тёмное пятно.

— Здесь что-то похоже на отпечаток.

— На этой версии. В исходнике мы пока видим только пятно. Изображение уже пересылали между отделами несколько раз, а программа усилила не только следы, но и шум.

Он приблизил фотографию пальцами.

— Значит, оригинал у криминалистов, а мы разговариваем о копии.

— Именно. Я попросила передать файл без повторного сжатия. И журнал упаковки бумаги: между обнаружением и опечатыванием не проставлено одно время.

Элиас вернул планшет. Ему не понравилось, что она начинала разговор с ограничений. Ещё меньше понравилось то, что возразить было нечего. В Осло он научился ненавидеть задержки, особенно те, которые потом оказывались необходимыми. Но Мира, кажется, не собиралась оправдываться за осторожность.

— Вы всегда сначала ищете ошибки коллег? — спросил он.

— Нет. Сначала свои. С ними проще: никто не мешает признать.

Она допила остывший кофе и бросила стакан в урну. У неё коротко зазвонил телефон; на экране высветился внутренний номер отдела кадров. Мира сбросила вызов, даже не взглянув второй раз. Элиас заметил движение, но спрашивать не стал. Ему хватало собственного нежелания отвечать на простые вопросы.

У лифта он остановился, давая ей пройти первой.

— Вы до этого работали на убийствах?

— Несколько раз. Больше — на пересмотре показаний и протоколов. В прошлом году три следователя записали три разные версии одной встречи. Свидетеля уже собирались обвинять во лжи.

— А он действительно врал?

— Когда мы нашли первую аудиозапись, оказалось, что он видел меньше, чем написали все трое. Остальное ему предложили вспомнить.

Лифт пришёл с глухим ударом. Элиас шагнул внутрь и поймал её отражение в зеркале за спиной.

— И сколько времени вы потеряли, пока всё это проверяли?

— Два дня. До этого люди спорили полгода.

Она сказала это без торжества. Элиас вспомнил разговоры, в которых сам заканчивал фразы за свидетелей, если уже знал, чего ждёт услышать. Не все ошибки были красивыми, некоторые происходили просто от нетерпения.

В машине Мира положила между ними схему квартиры Халонена. На плане были отмечены вход, книжный шкаф, кухня и стол. У одной двери стоял вопросительный знак.

— Тут указано, что к нему приходил гость, — сказала она. — Это потому, что на кухне две чашки. Или есть показания?

— Пока чашки и сообщение. Соседей будем проверять на месте.

— Тогда я уберу слово «гость» из рабочего списка. Не из версии. Из списка установленных людей.

Элиас посмотрел на неё. У другого края листа стоял ещё один вопросительный знак — рядом с её собственным предположением о том, когда хозяин открывал дверь.

— Вы и себе не доверяете?

— Когда очень хочется оказаться правой, особенно.

Они выехали на мокрую улицу. За стеклом машины двое прохожих спорили под одним зонтом, трамвай с шипением проходил стрелку. Элиас открыл папку с первыми снимками квартиры. Он всё ещё не знал, сработаются ли они с Мирой. Зато впервые за много месяцев ему не нужно было в одиночку решать, какой вопрос задать следующим.

* * *

В квартире Антти Халонена было слишком тепло. На кухонном подоконнике стоял термометр, показывавший двадцать четыре градуса, хотя за окном дождь гнал листья по мокрой Фредрикинкату. Воздух пах пылью от книг, чаем и тем особым металлическим запахом, который не удавалось вытравить даже открытой форточкой. Элиас задержался в дверях, пока криминалист закончил фотографировать пространство между книжным шкафом и ковром.

Психолог лежал на боку, лицом к нижней полке. Кто-то попытался прикрыть его пледом, но приехавшая первой группа отложила плед для отдельного исследования. На тёмном ковре тянулась полоса крови. Рядом валялся раскрытый том о работе с травматической памятью; его страницы слегка склеились у корешка. Предмета, которым нанесли удар, не нашли.

— Рана на голове, — сказал криминалист, не поднимая взгляда. — Причину смерти и последовательность повреждений даст врач. Здесь пока ничего не обещаю.

Элиас кивнул. За годы работы он научился замечать, как легко привычная форма раны превращается в воображении следователя в конкретное орудие. Сегодня ему особенно хотелось получить простой ответ, что-то тяжёлое и прямоугольное, оставленное виновным на виду. На виду не было ничего.

Мира прошла к кухонной двери, не касаясь косяка. На столешнице стояли две чашки — белая с остатками крепкого чая и синяя, вымытая до блеска. В сушилке над раковиной оставались две тарелки. На подоконнике лежала раскрытая газета за прошлую неделю.

— В первичном рапорте написали: «Принимал гостя», — сказала Мира.

— Две чашки не мешают человеку пить в одиночестве.

— Вот поэтому я попросила заменить формулировку. Посуда могла остаться с утра, а чистую могли поставить здесь вчера. Снимки уже сделаны, обе чашки упакуют отдельно.

Он посмотрел на неё внимательнее. У стены висел семейный снимок Халонена, но из-за отражения окна Элиас не мог разобрать лица. Мира не стала рассказывать, кем психологу приходились изображённые люди. Она просто отметила, что фотографию ещё не описали.

Они прошли по комнате вдоль широкого стеллажа. Книги стояли ровными рядами; пыли почти не было. У шкафа лежали две пуговицы, одна оторванная, другая с целой петлёй нитки. Элиас попросил указать их точное положение на схеме, прежде чем обсуждать, принадлежали ли они одежде погибшего. На спинке кресла висел тёмный кардиган, а под креслом стояла домашняя туфля. Квартира выглядела так, словно хозяин успел встать навстречу кому-то и не договорил первую фразу.

— Что здесь не сходится? — спросил Элиас.

Мира оглянулась на ковёр.

— Мы смотрим на место, где его нашли, и уже называем его местом удара. Может быть, так и есть. Но кто-то должен сопоставить положение тела со снимками до работы медиков и следами на полу.

— Давай на «ты», — предложил Элиас. — Займись этим, а я проверю людей, которые вошли сюда до группы.

В коридоре соседка держала у груди связку ключей, хотя дверь её квартиры была открыта. Она слышала громкий разговор около девяти вечера и позже заметила фигуру в тёмном плаще на лестнице. Элиас попросил её описать не человека, а то, что она делала в тот момент. Оказалось, она спускалась выбросить мусор, смотрела на ступеньки и подняла глаза лишь на секунду.

— Мужчина? — спросил он.

— Я сначала подумала, что мужчина. Но капюшон закрывал лицо. Не заставляйте меня сейчас уверять вас в этом.

Мира записала последнюю фразу дословно. Потом уточнила, доходила ли соседка до лифта. Нет: фигуру она заметила на лестнице и до холла не спускалась. Камера в холле была направлена на лифт, а не на выход с лестничной клетки. У следователей появился путь для проверки, но не лицо.

В кабинете Халонена ноутбук стоял на столе рядом с листком, найденным у тела. Мира уже видела фотографию листка в служебной пересылке, но теперь разглядела на исходном снимке смятую кромку и едва заметное пятно. Семь слов записки остались прежними; кто их написал, ещё предстояло установить. В списке на экране пять фамилий участников программы «Последний разговор» были выделены серым. В соседних колонках значилось: «исходник», «согласие», «передача».

— Пять человек, — сказал Элиас. — У каждого запись, и у каждой записи есть кто-то, кто мог её получить.

— Не обязательно один человек, — отозвалась Мира. — И ещё нам нужен тот, кто составил эту таблицу. Мы пока не знаем, когда выделили фамилии.

Он уже хотел возразить, но услышал, как за стеной щёлкнул затвор фотоаппарата. От этого сухого звука квартира показалась по-настоящему пустой. Элиас приблизился к фотографии заснеженного леса над столом: рама висела немного косо. За ней не было ни бумаги, ни сейфа, ни той красивой подсказки, к которой он почти бессознательно потянулся.

— На этот раз нам, возможно, придётся обойтись без загадки, оставленной специально для полиции, — сказал он.

— Было бы неплохо, — ответила Мира. — Иначе мы опять будем читать мысли убийцы вместо того, чтобы искать его следы.

Элиас попросил изъять оригинальные файлы и журнал первого выезда. На пороге он ещё раз посмотрел на перевёрнутую книгу у тела. Для Халонена чужие воспоминания были профессией. Теперь чужие люди собирались разбирать последние часы его собственной жизни по вещам, которым он не придавал значения.

* * *

Центр, где хранились записи программы «Последний разговор», располагался в здании с длинными коридорами и стеклянными дверями. В холле молодой отец пытался сложить мокрую детскую коляску, не выпуская из рук пакет с лекарствами. За стойкой регистратуры женщина записывала телефонный номер, переспрашивая каждую третью цифру. Элиас подумал, что обычная жизнь учреждения продолжалась независимо от того, что произошло с одним из его сотрудников.

Микаэль Хейно встретил следователей у лестницы. Он был сухощав, одет в безупречно застёгнутый тёмный пиджак и выглядел человеком, которому уже пришлось за это утро слишком много раз объяснять чужую смерть.

— Понимаю, почему вы приехали, — сказал он. — Но у нас здесь люди после тяжёлых утрат. Любой обыск парализует работу.

— Сейчас нам нужны правила хранения и документы, которые вы вправе передать, — ответила Мира. — Закрытые записи пока не трогаем. Для работы с ними потребуется отдельное законное основание.

Хейно отвёл их в переговорную. На стене висела фотография сотрудников программы, улыбающихся перед выездным семинаром. В буклете, который директор положил перед Элиасом, были слова о доверии и внимательном слушании. Халонен значился одним из специалистов, работавших над методикой.

— Мы собирали записи экстренных вызовов, интервью выживших и добровольные рассказы родственников, — объяснил Хейно. — Чтобы люди могли услышать свои воспоминания в безопасной обстановке. Всё это никогда не предназначалось для газет.

— Кто решал, какую запись можно выдать? — спросил Элиас.

Директор указал на страницу с диаграммой доступа.

— Для каждого уровня есть свои полномочия. Если хотите, покажу презентацию.

Мира убрала буклет в сторону.

— Покажите, кто и на каком основании выдавал доступ к архиву. И кто получал носители, включая резервные копии. Сами закрытые записи пока оставим в покое.

Хейно посмотрел на неё, словно она просила вытащить из стены электропроводку.

— Это большая работа.

— Халонен мёртв. Части записей оказались вне вашего учреждения. Объём работы уже не главный вопрос.

Он на мгновение поджал губы, затем позвал администратора. В серверной было холодно, над головами негромко гудела вентиляция. На одной стене висело расписание обслуживания, на другой — старый план переезда оборудования. Хейно говорил про шифрование, но не мог сразу назвать человека, у которого был ключ к резервному хранилищу.

— Во время обновления системы архив переносили на внешний диск, — сказал он наконец. — Это было временно.

— Где диск сейчас?

— Вероятно, вернули техникам.

— «Вероятно» мы запишем как «местонахождение не подтверждено», — сказала Мира. — Нам нужен акт передачи.

Директор недовольно выдохнул, но спорить не стал. Они прошли в дальний коридор, где под потолком мигала лампа аварийного освещения. Металлический шкаф для резервных носителей стоял рядом с коробкой устаревших кабелей. Хейно набрал код, затем повторил его, гораздо медленнее. Замок не сработал.

Пришла сотрудница администрации, невысокая женщина с утомлёнными глазами. Она открыла дверцу со второй попытки и объяснила, что после ремонта клавиатура иногда заедает.

— Кто знает код? — спросила Мира.

— Сотрудники, которым нужен доступ, — ответила женщина.

— Их имена можно получить?

— Надо посмотреть, кого не исключили из списка после переезда.

Хейно побагровел. Администратор опустила глаза, и Элиас понял: их появление вскрыло не обязательно преступление, а привычный беспорядок, к которому все успели привыкнуть.

На полках лежали коробки с одинаковыми этикетками. Одна ячейка была пуста; на соседней коробке старую дату зачеркнули и рядом вписали новую шариковой ручкой. Мира не стала вскрывать или доставать носители до оформления процессуального решения. Она попросила администратора показать ведомость содержимого, а криминалиста — зафиксировать расположение каждого предмета, прежде чем кто-то начнёт наводить порядок.

— Если вы всё опечатаете, у меня сорвутся приёмы, — сказал Хейно. — Люди едут к нам из других городов.

Элиас посмотрел в сторону холла. Там действительно ждали люди, и не все могли позволить себе ещё одну поездку. Он предложил сначала оформить необходимое решение и опись, а до тех пор попросить сотрудников центра не открывать спорную секцию шкафа. Мира согласилась: ей требовалось сохранить носители, а не остановить работу учреждения.

— Вы могли сказать это раньше, — бросил директор.

— Вы могли раньше сохранить журнал, — ответила она, но без торжества.

В машине Элиас открыл перед собой распечатку с фамилиями консультантов. Среди них был Ээро Каллио — бывший полицейский переговорщик, работавший с записями экстренных звонков. На его номер не отвечали со вчерашнего вечера. Дежурный уже уточнял адрес и связывался с соседями.

Пока они ехали, пришло сообщение: женщина, живущая рядом с Каллио в Эспоо, заметила на его двери конверт без адреса. Она не стала открывать его и вызвала полицию. На фотографии, присланной местным нарядом после изъятия, виднелась одна напечатанная фраза: «Вы могли открыть дверь».

— Похоже на обвинение, — произнёс Элиас.

— Да. Но кому оно адресовано, мы ещё не знаем. И даже не знаем, увидел ли его сам Каллио.

Он убрал телефон. У двух разных дверей — двери из прошлого и двери квартиры в Эспоо — теперь появились люди, которым кто-то предъявлял счёт. Это ещё не давало права соединять их одной линией, но было достаточно, чтобы не ехать домой.

* * *

В Эспоо дождь почти прекратился. Каллио жил в невысоком доме, за которым начинался ряд тёмных елей. У подъезда полицейская машина занимала единственное сухое место, и пожилой мужчина протискивал велосипед между её бампером и стеной. Мира показала удостоверение местному сотруднику; тот рассказал, что дверь открыли после сообщения о возможном исчезновении и угрозе; обстоятельства доступа были внесены в материалы выезда, а состояние квартиры зафиксировали на снимках.

Соседка Каллио стояла в коридоре с поводком в руке. Пёс, небольшой и тучный, тянул её к знакомой двери, недоумевая, почему никто не выходит.

— Ээро всегда забирал его на десять минут, пока я была на работе, — сказала она. — Вчера тоже. Сегодня миска пустая, а он сам не отвечает.

— Вы видели его вчера вечером? — спросила Мира.

— Нет. Но слышала, как он возвращался: у него ключи звенят так, будто он несёт целую мастерскую.

Элиас попросил её не угадывать время по привычке. Женщина посмотрела на часы, помолчала и признала, что звяканье могла слышать ещё днём. Ей было неловко от собственной неточности, хотя следователи не упрекали её.

В прихожей висела куртка, которую соседка узнавала как обычную верхнюю одежду Каллио. Внизу стояли вычищенные ботинки. По одной куртке нельзя было решить, уходил ли он добровольно. На кухне пахло вчерашним кофе и собачьим кормом. Элиас увидел пустую миску у ножки стола и вспомнил, как уверенно соседка сказала «всегда». Для неё исчезновение человека измерялось не отсутствием телефонного сигнала, а нарушенной маленькой договорённостью.

На столе лежал билет на паром. Данные пассажира совпадали с именем Каллио; покупку подтвердили по первичным сведениям, но сам рейс ещё не состоялся. Мира прочитала дату, затем перевернула лист.

— Он готовился уехать? — спросил Элиас.

— Может быть. А может, билет распечатали, чтобы мы именно это подумали. Проверим, с какого аккаунта платили, кто пользовался устройством и был ли вообще план поездки.

В календаре Каллио обнаружилась встреча с Халоненом в день его смерти. Время зачеркнули ручкой. Элиас разглядывал нажим стержня под косым светом: цифры было видно плохо, и он отказался угадывать их. Они попросили экспертов исследовать запись вместе с подложкой блокнота, не обещая результата до получения заключения.

— Он не просто консультировал программу, — сказал Элиас. — По меньшей мере собирался увидеться с убитым психологом.

— Собирался — да. Пришёл ли, мы узнаем из других источников.

На стоянке гаража местная камера сняла автомобиль, выехавший вечером. В кадре вспыхивали блики на мокром стекле, номер закрывала дорожная грязь и дождевая вода. Элиас увеличил снимок на планшете, но Мира остановила его прежде, чем расплывчатые огни сложились в знакомую модель машины.

— Отдадим оригинал специалисту. На этом разрешении даже расстояние между фарами может обмануть.

По дороге к управлению они вернулись к журналу первого выезда в квартире Халонена. Между открытием двери и записью об обнаружении ноутбука оставалось почти полчаса. Не пропажа, не обязательно сокрытие: просто отрезок работы, который в документах никто не описал достаточно подробно. Элиас попросил связаться с сотрудником, составлявшим опись, и восстановить порядок осмотра по снимкам и отметкам на упаковках.

— Раньше я бы посчитал это дырой в деле, — сказал он.

— А теперь?

— Пока это дыра в бумаге. Посмотрим, есть ли под ней что-нибудь ещё.

У светофора загорелся красный. На панели автомобиля высветилось напоминание о старом сообщении из Осло; после обновления телефона архивная переписка иногда возвращалась на экран. Несколько слов Ингрид — «Позвони, когда доберёшься» — проступили так неожиданно, что он на секунду перестал различать свет фар впереди.

Мира не стала отворачиваться демонстративно. Она просто положила на сиденье папку, закрыв экран от случайного взгляда водителя соседней машины.

— Если нужен перерыв, скажите, — произнесла она после паузы.

— Нужен ответ по Каллио.

— Тогда я попрошу дежурного поднять его последние подтверждённые контакты. Исчезновение пока не убийство, Элиас.

Он ничего не ответил, но на этот раз не услышал в её словах упрёка. В этом деле оставался человек, которого ещё могли найти живым. Элиас не собирался заранее ставить рядом с его именем дату смерти.

* * *

Мастерская Ады Карху находилась у воды, в бывшем ремонтном боксе. Внутри пахло смолой, мокрым деревом и железом, которое несколько лет лежало без дела. Под потолком висели лампы в проволочных клетках; их жёлтый свет ложился на недостроенную лодку, стоявшую на опорах. За раскрытой дверью короткие волны ударяли о бетонную стенку причала.

Ада вышла из-за корпуса лодки в плотном тёмно-зелёном свитере, со стружками на рукавах. У неё были тонкие черты и жёсткий взгляд; усталость залегла в уголках рта и между бровями, хотя голос звучал ровно. Она вытерла руки о тряпку, увидела удостоверения и спросила, пришли ли они из-за Халонена.

— Нам нужно понять, о чём вы с ним говорили, — ответил Элиас.

— Я с ним разговаривала шесть лет. До прошлой недели он меня почти не слышал.

Она провела их к столу, заваленному наждачной бумагой и винтами. На стене висела фотография девушки на корме деревянной лодки. Младшая сестра Ады, Силья Карху, погибла

при пожаре 2008 года. Элиас заметил дату в нижнем углу снимка, прижатого к раме, и не стал спрашивать, почему фотография висела над самым рабочим местом. Ада и без того смотрела туда всякий раз, когда замолкала.

— В отчёте написано, что сигнализация работала неправильно, — сказала Ада. — Она работала. Я слышала её на записи с улицы. Проблема была в другом: восточный выход не открывался.

— Вы были в здании? — уточнила Мира.

— Нет. Я ждала возле оцепления, пока мне не сказали, что сестру не вывели. Поэтому я и ищу тех, кто видел дверь изнутри. А вы, конечно, сейчас спросите, почему я так уверена.

— Спрошу, откуда у вас запись, — ответила Мира. — И можно ли проверить, что это та ночь.

Ада почти улыбнулась. Она вынула папку с письмами и разложила их по датам. Одни были напечатаны в компьютерном шрифте, другие исписаны рукой и возвращены с официальными пометками. Она просила доступ к переговорам с людьми в верхнем крыле и к исходной схеме эвакуации. Халонен отвечал ссылками на конфиденциальность участников программы.

— За неделю до смерти он сам позвонил, — сказала Ада. — Сказал, что готов пересмотреть отказ. Я решила, что он наконец услышал. Теперь вы пришли спрашивать, зачем я его убила.

— Мы ещё не задавали такого вопроса.

— Зададите.

Элиас не стал притворяться, что подозрение её не касается.

— Где вы были в вечер его смерти?

— Здесь. До десяти, а может, чуть позже. Камера на заправке у шоссе иногда снимает въезд. Если запись сохранилась, увидите мою машину.

— Кто-нибудь заходил к вам?

— Поставщик привёз клей днём. Вечером я работала одна.

Её ответы не сопровождались оправданиями. Когда Мира спросила, касалась ли Ада вещей Халонена в последние дни, женщина подняла глаза, явно готовая к обиде. Но вопрос был рабочим: при возможной находке её следов следствие должно было заранее знать о законных контактах.

Ада взяла со стола конверт с фотографией сестры. На снимке девочка сидела на лодке и показывала язык человеку за камерой. Сзади стояла дата — за неделю до пожара.

— В материалах она «погибшая несовершеннолетняя», — сказала Ада. — У журналиста Койву — «одна из жертв». В отчёте центра — номер комнаты. У вас она тоже будет номером?

Элиас посмотрел на фотографию. У Ингрид была другая улыбка, другое лицо, но после её смерти он видел бумаги, на которых целая жизнь сжималась до нескольких строк. Ответить профессионально было проще, чем честно.

— В наших записях будет Силья Карху, — сказал он. — Имя не исправит случившегося. Но мы не обязаны стирать его ещё раз.

Ада опустила снимок. На секунду лицо у неё стало почти детским; потом она потянула конверт к себе и снова приняла прежний вид.

У выхода Мира задержалась возле верстака. На нём лежал тяжёлый бронзовый инструмент с прямоугольной головкой. По общему силуэту он мог напомнить предполагаемое орудие удара, но размеры и характер повреждения ещё требовали сравнения. Таких инструментов здесь было несколько.

— Можно будет записать марку и сфотографировать? — спросила Мира.

— Можете взять весь верстак, если это поможет, — сказала Ада. — Только не говорите потом, что я виновата, потому что у меня в руках есть тяжёлые вещи.

— Я этого и не говорю. Нам понадобится надлежащее оформление, если эксперты решат его исследовать.

На улице Элиас задержался у машины, слушая, как внутри мастерской снова включили шлифовальную машинку. Не похоже было, что Ада умеет отдыхать от своего горя; она просто заставляла руки двигаться.

— Ты ей поверил? — спросила Мира.

— Я понял, чего она добивалась.

— Это другое.

Он раздражённо обернулся, но увидел, что Мира не спорит ради спора. Она уже набирала номер заправки, пока там ещё могли храниться нужные записи. Элиас открыл для неё пассажирскую дверь. Это было проще, чем благодарить за то, что она удержала его от поспешного оправдания женщины, которой он сочувствовал.

* * *

Йохан Койву назначил встречу в кафе рядом с редакцией. Из-за запотевших окон было видно, как люди на улице перепрыгивают лужи перед трамвайными путями. В помещении стоял горький запах кофе, а музыка играла так тихо, что разговоры за соседними столиками звучали громче неё.

Журналист выглядел невыспавшимся. На столе перед ним лежала папка с распечатками; он прикрыл её рукой, когда подошёл официант, и открыл только после того, как тот ушёл.

— Вы хотите мой источник, — сказал Койву вместо приветствия.

— Нам нужны подлинные материалы, которыми вы располагаете, — ответил Элиас. — Источник обсудим в пределах закона и ваших прав.

— Я получил архив анонимно. Ни имени, ни адреса. Вы хотите, чтобы я назвал то, чего не знаю?

Мира не стала спорить. Она попросила показать первое письмо, в котором Койву сообщил редактору о материалах, и объяснить, почему в опубликованных выдержках указаны разные даты записи.

— Я журналист, а не хранитель архива, — сказал он.

— Тогда откуда у вас пометки психологов и подписи людей, которые не соглашались на публикацию? — спросила Мира.

Он отвернулся к окну. На улице водитель автобуса что-то кричал велосипедисту; несколько посетителей кафе обернулись. Койву дождался, пока шум стихнет.

— Семьям годами объясняли, что доступа к записям нет. Я хотел показать, что записи существуют. Их хранили, передавали, а кое-какие куски исчезали. Не собирался выставлять чужое горе напоказ.

— Но вы напечатали чужие слова, — заметил Элиас.

— Сокращённо. И с согласия тех, с кем я смог связаться.

В папке лежали стенограммы экстренных звонков и копии служебных пометок. На одной странице сорок секунд были заменены пустым промежутком. Койву уверял, что получил документ именно таким. Элиас заметил, что часть временных меток набрана другим шрифтом, но не стал изображать эксперта: различие могло появиться при обычной пересылке или печати.

— Где файлы, из которых это распечатано? — спросила Мира.

— Я ничего не сохранял на рабочем компьютере. Мне прислали пакет, я распечатал нужное. Потом ссылка исчезла.

— На каком устройстве вы открывали пакет?

Койву назвал свой ноутбук. Мира объяснила, что после удаления файла на устройстве могли сохраниться следы, но проверять всю его переписку никто не собирался. Она предложила письменно перечислить материалы, которые журналист готов передать добровольно, не

затрагивая редакционные источники. Койву потребовал записать, что исходного носителя у него нет. Мира внесла это в протокол как его слова, а не установленный факт.

— Вам нужен убийца Халонена, — сказал Койву, когда Элиас ставил подпись под распиской. — Мне нужна правда о пожаре. Нам не обязательно мешать друг другу.

— Тогда не объявляйте виновного раньше, чем появятся доказательства, — ответил Элиас.

— Ваши доказательства шесть лет лежали в шкафу.

После встречи они остановились под узким козырьком. Элиас вспомнил, что Койву назвал дату получения архива ещё до прямого вопроса. Он предложил вернуться и расспросить журналиста подробнее.

— Он уже написал редактору в тот день, — напомнила Мира, просматривая записанные ответы. — Мы вправе проверить переписку надлежащим способом, но дата сама по себе ничего не разоблачает.

— Он мог готовить статью заранее.

— Конечно. Тогда у него должны быть черновики, запросы, звонки. Проверим историю работы, а не выражение лица.

Элиас посмотрел на освещённые окна редакции. В Осло иногда приходилось решать, рисковать ли временем ради тщательной проверки, и после того лета любое промедление отзывалось в нём злостью. Мира этой злости не заслуживала. Она ещё не знала, что он порой спорил не с человеком напротив, а с собственной памятью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.